

МАША
МОРАИ

МАША МОРАН

ОТБОР
для
КОРОЛЯ ВОЛКОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Косулина*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Моран, Маша.

М79 Отбор для Короля волков : [роман] / Маша Моран. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — (Темные миры Маши Моран).

ISBN 978-5-17-139404-2

Больше всего на свете оборотни ненавидят ведьм. Их призвание — охотиться, пытать, вешать, жечь. Все для того, чтобы защитить простых людей от коварства и колдовства этих порождений зла. Ни одна из ведьм не имеет права уйти безнаказанной.

Аглая не собиралась пробуждать в себе дар. Теперь ее, неопытную ведьму, опасность подстерегает со всех сторон. Волк идет по ее следу, небо затягивает тучами, и уже готовы разгореться костры. Аглая в самом эпицентре бури — она обязана участвовать в Отборе.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю!
Придет серенький волчок
И укусит за бочок.

Русская народная песня

Пролог ЖЕНИХ

— **А** еще мой Ванечка недавно защитил докторскую. Такой молодец.

Аглая закатила глаза, за что тут же получила пинок под столом. Мать смотрела на нее строгим взглядом, сердито сдвинув брови. — Так что теперь мой Ванюша — доктор физико-математических наук. Он столько времени потратил на написание диссертации, на исследования. Он вообще у меня очень умный мальчик.

«Умный мальчик» за обе щеки уплетал шашлык и согласно кивал на каждое слово.

Аглая отложила вилку:

— А я вот вообще в математике не разбираюсь.

Мать наградила ее еще одним пинком, но Аглая не собиралась сдаваться. Чем скорее она закончит этот фарс, тем лучше.

— Ну-у-у... Девушке необязательно разбираться в таких сложных вещах. Это дело для мужчины. А девушка должна уметь готовить. Да, прежде всего — хорошо готовить. Вот ты, Аглаюшка, умеешь готовить?

— Нет, Надежда Федоровна. Я заканчивала журналистский, а не кулинарный.

Аглая взглянула на Надежду Федоровну — мать «Ванюши». Та поджала губы и выпрямилась на стуле.

— Что ж... Всему можно научиться. А гладить, стирать, убирать ты можешь? Женщина должна создавать мужу уют, чтобы он мог работать. Вот как мой Ванечка.

Аглая взглянула на «Ванечку». Он согласно кивал на каждое слово мамы. Его глазенки за толстыми линзами противно блестели, как и покрытые жиром губы. Зализанная гелем челка прилипла ко лбу. До чего же мерзкий!

Аглая пожала плечами:

— Ни стирать, ни гладить, ни убирать я не умею, Надежда Федоровна. А что, вы ищите Ванечке домработницу? Я знаю хорошее

агентство. Могу дать номер. Услуги недешевые, но Ванечка же теперь у вас доктор наук. Сможет позволить.

От матери прилетел очередной пинок. Надежда Федоровна поперхнулась и закашлялась, а Ванечка наконец отвлекся от шашлыка и вяло стукнул мать по спине.

Это знакомство с самого начала было плохой идеей. Аглая давно уже зареклась участвовать в подобном, но мама настаивала, устроив едва ли не скандал по этому поводу. Надежда Федоровна была какой-то ее старинной институтской подругой, а «Ванечка» — ее сыном. Аглая не знала, кому именно пришла в голову идея их с «Ванечкой» познакомиться, но выглядело все это как сцена из фарса.

Надежда Федоровна наконец откашлялась. Она одарила Аглаю презрительным взглядом:

— Очень плохо, Аглаюшка, что ты не умеешь делать такие важные вещи. С твоими... с твоими данными мужа придется искать долго. Ты должна хоть что-то ему предложить.

«Ванечка» согласно закивал:

— Да, приличную жену сейчас сложно найти. Одни приживалки.

Аглая знала, что далеко не подарок, но такие оскорбления терпеть не собиралась. Поставить на место Надежду Федоровну она не могла, а вот с ее сыночком разобраться — вполне. Подавив желание воткнуть вилку сначала в «Ванечку», а затем в его мать, Аглая растянула губы в широкой улыбке:

— Да, Ванечка, ты прав. Одни приживалки. А знаешь почему?

Ванечка уставился на нее, моргая крошечными глазками. Его красный, покрытый прыщами и еще бог знает чем подбородок блестел. Это что, жир течет? Аглае подурнело.

Он покачал головой:

— Не знаю...

Аглая приняла серьезный вид и наклонилась над столом, как будто собиралась открыть ему страшный секрет:

— А потому, что бесплатно батрачить на тебя будет только твоя любимая мама, ну, или совсем уж конченная дура.

Аглае показалось, что наступившая тишина звенит. Пока никто не пришел в себя от ее высказывания, она быстро поднялась:

— Ладно, мы уже выяснили, что я неприличная, так что мне пора. Было... не очень приятно познакомиться.

Аглая вышла из-за стола и едва ли не бегом отправилась за вещами. Накинув на плечи легкую шубку, подхватила свой небольшой рюкзачок и ключи от машины и выскочила из дома.

Они были за городом. Пару лет назад отчим подарил маме этот дом, и почти все выходные они проводили здесь. И здесь же мама

решили устроить это нелепое знакомство. Теперь Аглая не ступит на порог, пока священник не проведет обряд экзорцизма. Потому что два беса тут побывали точно.

Аглая уже садилась за руль, когда из дома выбежала мама.

— Аглая! А ну немедленно вернись и извинись!

Аглая потрясенно замерла:

— Перед кем?

— Перед Надеждой и Ваней.

— Что?! Мам, ты серьезно?! Она оскорбила меня. Унизила перед тобой и своим дебильным сыночком.

— Аглая... Ты вела себя... Ваня — действительно хороший кандидат в мужья...

Аглая ее перебила:

— Доктор.

Мама непонимающе нахмурилась:

— В смысле?

— Ты же слышала, он защитил докторскую. Не кандидат. Доктор.

— Аглая, перестань. Вернись, извинись и веди себя прилично.

— Я не буду извиняться перед этими...

— Аглая! Это твой последний шанс. Ты до сих пор не замужем.

А тебе уже тридцать. Скоро тридцать один! И, давай будем честными, ты действительно себя немного запустила...

Господи, да за что же ей это? Слышать такое от собственной матери.

— Я уезжаю, мам. Приятно тебе провести время.

— Аглая, стой! — Мать вцепилась в дверь машины. — А как же Надя и Ваня доберутся до города?

Аглая села в машину и равнодушно пожала плечами:

— Вызовут такси. Все лучше, чем ехать в одной машине с толстухой, которая ничего не умеет.

— Аглая, не говори глупостей.

— Пока, мамочка. Я тебя очень люблю. И надеюсь, что ты меня тоже любишь. Несмотря на то, что мне тридцать, я жирная и до сих пор не замужем.

Аглая захлопнула дверь и завела мотор. Мама о чем-то еще возмущалась, но Аглая заставила себя смотреть вперед. Да, ей через пару месяцев тридцать один, и до сих пор нет даже сколько-нибудь серьезных отношений. Но разве ее вина в том, что она не хочет тянуть на своей шее придурка типа Ванечки? У нее интересная работа, хороший заработок. Всего, что у нее есть, она добилась сама. Ну и что, что у нее чересчур пышный зад и талия немного больше заветных шестидесяти? Не всем дано быть моде-

лями. А она уже устала бороться со своими бедрами. Да, они широкие и полные. Месяцы в фитнес-зале помогли лишь накачать их еще больше и сделать упругими. В ее случае — достижение невиданных размеров. Как там говорят? Попа — орех? Ага, кокос! Это же тоже орех.

Ну вот что она может с собой поделывать? У нее даже живота нет. Там все плоско. Но до шестидесяти как до луны. Хотя нет, в ее случае, скорее, как до Нептуна!

Аглая устала. Просто устала. Ей не хотелось переделывать себя под кого-то. Ради кого стараться? Ради подобных Вань? Месяцы в фитнес-зале обернулись загубленными нервами. Она такая, какая есть. Не такая уж и толстая, если присмотреться.

Аглая уныло уставилась на дорогу. Все-таки с мамой не нужно было говорить так резко. Долгое время они были вдвоем против всего мира. И если бы не мама, отказывающая себе во всем, где сейчас была бы сама Аглая? Ладно, придет домой и обязательно позвонит. Извинится. Хотя она и не считала себя виноватой.

На душе стало как-то уныло. Наверное, дело в погоде и окружающем пейзаже. Первый день весны, а повсюду до сих пор лежит снег. Дорога с потемневшим асфальтом извивалась лентой и убежала вперед. По обе стороны высились голые деревья вперемежку с елками, покрытыми снегом. Аглая включила музыку. Но паршивое настроение никуда не ушло. Пронзительные напевы про «Любимого и родного», который «уносит высоко» и с которым ничего не страшно, настроения не прибавили. Аглая выключила песню. Она думала, что подобные «Ванечки» с их мамашами давно уже ее не задевают, но вот надо же... Ну да, она уже не девчонка. Без мужа. И с крупными бедрами и попой, черт бы их побрал. Но ведь многие девушки крупнее ее и вполне счастливы. Она обеспеченная, самодостаточная, независимая женщина! Толку, конечно, от этой независимости, но все же. И это семейство убожеств не имеет никакого права оскорблять ее. Она еще мягко высказалась. Нужно было послать их...

Сзади раздались протяжные сигналы. Аглая заглянула в зеркало заднего вида. За ней пристроилась жалкая машинка. Из окон торчали чьи-то руки. Идиоты. Мало ей было Ванечки с его мамашей, так еще и наверняка пьяная компашка.

Соседняя полоса оказалась пуста, и выдавшая виды телега пошла на обгон. Аглая выдохнула. Была б ее воля, отправила б этих придурков драить унитазаы. Есть же дебилы! Рев музыки прорвался даже сквозь наглухо поднятые стекла. Из окон высунулись какие-то жуткого вида обдолбыши. Очевидно, что они были под градусом, а

возможно, и под наркотой. Что-то выкрикивали, хохотали и кривились, высунув языки.

Мда... променяла одну веселую компанию на другую. Слава богу, они ее обогнали и поехали дальше. Выбивая пальцами по рулю ритм, Аглая тихонько начала напевать под нос привязавшуюся песню. Хоть немного скрасит свое одиночество вымышленным «любимым и родным». Внезапно ее ослепил свет фар. Щурясь, Аглая смогла разглядеть машину. Заляпанную грязью и повывавшую, наверное, с десятков аварий. Ту самую, которая несколько минут назад ее обогнала. С пьяной компанией внутри. Аглая гневно посигналила. Но придурки ехали по встречке, снова размахивая руками. Она изо всех сил крутанула руль, съезжая на соседнюю полосу, но эти идиоты повторили ее маневр. Они что, совсем охренели?! Расстояние стремительно сокращалось. Еще пара секунд, и... Внутри все сжалось от паники. Что делать? Аглая быстро вернулась на нужную полосу и нажала на тормоза. Пьяные придурки съехали туда же. Свет ударил по глазам. Аглая вывернула руль, но вдруг почувствовала толчок. Она еще успела подумать о том, что забыла пристегнуться, торопясь сбежать, как машина взлетела в воздух. Дыхание сбилось, застряв где-то в горле. Аглаю швырнуло вверх, а затем вперед, прямо в стекло. Она пыталась ухватиться хоть за что-то, но... С ударом, от которого все органы сместились, машина полетела куда-то в пропасть. Она перевернулась раз, второй, третий. Аглаю швыряло во все стороны. Она старалась дышать, но боль сковала все тело. Ее замутило. Перед глазами все перемешалось в дикий kaleidoscope. Осколки, кровь, боль. Удар. Удар. Удар. Темнота.

Аглая открыла глаза. Лицо было покрыто чем-то липким и горячим. Ноги зажало. Руку жгло огнем. Что-то не так... Все неправильно. Голову так сильно давит — не повернуть. Аглая несколько раз моргнула. Нужно прийти в себя. Нужно... Если она не выберется, если отключится, то умрет. Точно умрет. Нужно что-то сделать.

Она попыталась дернуться. От резких движений сверху посыпались мелкие осколки. Они попадали в волосы, ранили щеки. Только сейчас Аглая поняла, что машина перевернулась, а сама она лежит, скрючившись между сидений. С трудом набрав в легкие воздуха, она подтянулась и высвободила руку, зажатую между сидений. В предплечье торчал осколок стекла. Закусив губу, Аглая обхватила его уцелевшей рукой и изо всех сил дернула. Боль отозвалась в животе. Ощущение было таким, словно ей вогнали туда крюк и подвесили. Отбросив осколок, она уперлась ногами в сиденье и поползла вперед. Руль давил в грудь, но Аглае удалось выбраться через лобовое окно. Кожи коснулся холодный снег. Он немного унял жжение в ла-

донях. Зачерпнув горсть, Аглая вытерла лицо. Щеки укололо иглами. Снег в ладони стал алым.

Попыталась встать, но ничего не получилось. Ноги превратились в две бесполезные палки. Опираясь на руки, Аглая попробовала ползти. Если машина взорвется... В голове шумело, а раненую руку, кажется, засунули в огонь. Позади послышался треск. В стывшем воздухе разлился запах бензина и гари. Аглая обернулась: машина вспыхнула.

Тяжело дыша, она продолжила ползти. Дальше, дальше, куда угодно... Запах стал насыщеннее. Она закашлялась и на секунду зажмурилась. Нужно двигаться. Под руками не оказалось опоры. Дыхание перехватило, сердце упало в желудок, когда Аглая снова полетела вниз. От столкновения с промерзшей землей кости, кажется, треснули. Аглая закричала от боли. Она куда-то катилась и никак не могла остановиться. Судорожно пыталась ухватиться хоть за что-то, царапала по земле ногтями, едва ли не срывая их. В лицо впивались ветки, камни и что-то еще. На языке чувствовался привкус крови, снега и земли. Перед глазами все вертелось. Белый цвет, зеленый, коричневый. Она врзалась во что-то твердое. В камень. Нахлынула тошнота. Аглая поняла, что ее сейчас вывернет наизнанку. Земля задрожала от грохота. Взрыв. Аглаю затрясло. Желудок скрутило спазмом, к горлу подступила желчь. Она собрала последние силы и села, цепляясь пальцами о торчащие из земли кусты.

Прижавшись к камню, остановившему ее движение, смогла наконец сделать вдох. Легкие и горло жгло. Она сама горела, как будто внутри нее разожгли огонь. Но, кажется, все еще была жива.

На секунду Аглая позволила векам опуститься. В ушах шумела кровь. Нет, спать нельзя. Нельзя! Каким-то чудом ей удалось открыть глаза. Мышцы опалило болью. Превозмогая саму себя, Аглая огляделась. В глазах мельтешило, но ей удалось разглядеть невысокий склон. Она свалилась в овраг... Держась за огромный камень, Аглая попробовала подняться на ноги. Она растратила последние усилия. Прижавшись к глыбе, Аглая восстанавливала дыхание. Холод проползал под кожу, умиряя бушующее внутри пламя. Слишком быстро ей становилось холодно. Слишком... Аглая отлепилась от камня и осмотрела себя. Она осталась в джинсах и тонком свитере.

Руки покрыты кровью и царапинами. Порез на плече горит, края опухли. В рану попали земля и нитки, прилипли тонкие волокна шерсти. Она вся в грязи и еще бог знает в чем. Аглая осмотрелась. Перед глазами все расплывалось и колыхалось. Как помехи. Держась за камень, сделала неуверенный шаг в сторону и тут же едва не упала. Под ногой оказался еще один камень. Маленький и округлый. На нем что-то темнело. Аглаю потянуло вниз.

Она без сил упала на колени и стерла дрожащей ладонью снег. На гладкой поверхности кто-то вырезал странный угловатый знак. А еще камень оказался теплым, словно нагретым солнцем. У Аглаи не было сил гадать, каким образом он нагрелся. Она быстро прижала к нему ладони. Вождеденное тепло пробралось в руки, но его было так мало... Аглая отняла ладони и подышала на них. Пальцы дрожали, а на камне остались кровавые отпечатки.

Холодный ветер поднял маленькие вихри снега и закружил их над землей, обнажив еще несколько камней, едва поднимающихся из земли. Дрожа крупной дрожью, она пыталась побороть темноту перед глазами. А может это сумерки? Аглая обернулась — она оказалась в каменном круге, в центре которого и возвышалась глыба, за которую она держалась и которая остановила ее падение. Аглая встала на четвереньки, потянулась и коснулась еще одного камешка. Он был плоским. Она очистила снег с шероховатой поверхности. Еще один угловатый символ окрасился кровью после касания ее пальцев. И этот камень был теплым. Или ей так казалось...

Перед глазами поплыло. Лес кружился словно в танце, становясь смазанным пятном. Угрюмые голые деревья с торчащими во все стороны ветками превращались в жутких монстров из страшных сказок. Аглае казалось, что они окружают ее, раззявив огромные пасти. Наверное, у нее начались галлюцинации, но Аглая услышала шепот. Тихий женский шепот, едва различимый и быстрый. Кто-то скороговоркой бормотал непонятные слова, время от времени сбиваясь на смех.

Глава 1 КНЯЖНА

Вщеку упиралось что-то острое, царапало кожу. Аглая открыла глаза. Несколько секунд она просто лежала, пытаясь понять, где находится. И что вообще происходит. Почему тело не ощущается, словно окаменевшее? Почему перед глазами ветки, похожие на звериные когти? Почему она не может пошевелить ни рукой, ни ногой?

В памяти начали вспыхивать жуткого вида картины. Пустая дорога, мокрый асфальт. Машина, мчащаяся навстречу. Обкуренная компания внутри. Калейдоскоп из земли, деревьев и снега. Кровь и камни со странными символами. Аглае казалось, что она идет по длинной галерее. Подносит к висящим на стене картинам свечу, и те озаряются золотистым светом. Но все же вокруг слишком темно, чтобы она могла разглядеть все в подробностях. Кажется, на этой картине она куда-то ползет. А вот тут проводит окровавленной ладонью по плоскому камню. А здесь прижимается спиной к огромному валуну...

Аглая видела себя словно бы со стороны. И это было странно. Пугающе. Даже сам ее вид, избитой, покрытой кровью и грязью, вызывал страх.

— Ну наконец ты пришла в себя!

Аглая повернула голову в сторону красивого напевного голоса. В нем слышалась какая-то жуткая насмешка. От усилий перед глазами все завертелось. Аглаю снова замутило. Она зажмурилась. А когда опять открыла глаза, увидела... саму себя.

До ужаса похожая на нее женщина стояла рядом и сверху вниз смотрела на Аглаю. Где-то в животе начала подниматься волна жуткой паники. Эта паника прострелила грудь, а потом хлынула в горло и виски.

Аглая попыталась встать. Потянулась всем телом вверх, но оно отказывалось ее слушаться. Она попробовала пошевелить руками и ногами, но ни одна конечность не откликнулась.

— Не стоит пытаться освободиться. Тебе это не удастся.

Аглая снова посмотрела на... себя. Ее копия насмешливо глядела на Аглаю сверху вниз. У нее были точно такие же голубые глаза, немного вздернутый нос и четко очерченные губы, как у самой Аглаи. Только волосы отличались. Они имели пепельный оттенок, на кончиках — почти белый, а у самых корней отливали серебристо-голубым, темным, едва ли не синим. У Аглаи же волосы были темно-русыми.

— Насмотрелась? Да, кое в чем мы пока различаемся. Но это ненадолго, не волнуйся. — Девушка задорно рассмеялась собственным словам.

Но в этом смехе не было ничего доброго. Аглая начала осознавать, что все происходящее вполне реально. Это не сон и не галлюцинация. Ни в одной форме забытья не может быть таких четких и ярких ощущений боли.

Чувствуя подступающую панику, она снова попробовала встать. Под спиной и затылком ощущалось что-то твердое и холодное. Аглая вертела головой, пытаясь совладать с адской болью и пульсацией в висках. Ей удалось немного приподняться. От увиденного тело начала сотрясать крупная дрожь. Совершенно обнаженная, со связанными руками и ногами, покрытая синяками и ссадинами, она лежала на огромном каменном... столе? Да, это точно стол. Круглая столешница была вся в выбоинах и мелких острых камешках. Зрение прояснилось от шока. Камень покрывали сотни угловатых символов. Они образовывали три круга, их пересечения были соединены между собой линиями то ли из букв, то ли из цифр, как вершины треугольника. Аглая с трудом, но все-таки села. Дыхание с хрипом вырывалось из горла. Ее снова замутило. Она вертела головой из стороны в сторону, как будто кто-то привязал к шее нитки и управлял каждым движением.

Это лес, но не тот, что рос возле трассы. Это вообще непонятно что такое! Высокие деревья, окружающие поляну, имели какой-то странный цвет. Серо-голубой, что ли... Они жадно тянулись вверх, сплетаясь ветками друг с другом так плотно, что заслоняли небо.

Аглая перевела взгляд на своего двойника. Она только сейчас заметила, что на ней длинное платье с пышной юбкой цвета крови. Ткань, украшенная серебряной вышивкой, переливалась даже в сумраке этого странного леса. На ее голове мерцал тонкий обруч, как будто свитый из застывших в металле стеблей, лепестков и листьев. На месте листочков мерцали зеленые камни. Лепестки цветов были украшены сиреневыми. Похоже, это были натуральные камни.

Несмотря на полуобморочное состояние, Аглая начала осознавать, в какую задницу влипла. Она угодила к какой-то сумасшедшей, достаточно богатой, чтобы позволить себе такие платье и украше-

ния. Кто знает, как эта извращенка развлекается? Увлекается исторической реконструкцией? Только вот у участников ее постановки никто не спрашивал согласия. Что дальше по сценарию? Попытки? Расчлененка?

По телу прошла жуткая дрожь. Холодная липкая испарина выступила на висках и спине. Аглая собрала последние силы и попробовала слезть с каменного стола. Плевать, что руки и ноги связаны. Она будет биться за свою жизнь до последнего!

Аглае удалось отползти в противоположную сторону от чокнутой. Она попробовала спустить вниз ноги. Но едва пальцы коснулись края, как алым огнем зажглись угловатые символы. Они обожгли кожу нестерпимой болью. Аглая вскрикнула и дернулась обратно, неловко завалившись на бок. Больно было так, словно она прикасается к раскаленному металлу.

— А-а-а! — Аглая прижала колени к груди и заскулила, как щенок.

Из глаз потекли слезы. Уже знакомый издевательский смех зазвенел в воздухе:

— А ты думала, я тебя так просто отпущу? Потрачу уйму сил, чтобы притащить сюда и позволю уйти? Сейчас я тебе кое-что объясню, а ты попробуй понять своим скудным умишком.

Сквозь мутную пелену на глазах она смогла разглядеть, как эта чокнутая подходит ближе и наклоняется над ней. Ее длинные волнистые волосы упали Аглае на плечо — как будто пауки побежали по коже и опутали паутиной.

— У каждого человека есть двойник. Мой двойник — ты. И ты же мне поможешь. Займешь мое место, а я смогу жить спокойно. Не бояться, что однажды меня кто-то выследит и отыщет.

Аглая сморгнула слезы и часто задышала, хватая ртом воздух. Символы по краю стола продолжали слабо мерцать. Чокнутая копия заметила, куда смотрит Аглая:

— Я позаботилась, чтобы ты не смогла сбежать. Они зачарованы на моей крови и пропустят только меня. Но и без этого тебе уже не выбраться отсюда. Смирись, милочка. — Она откинула назад волосы, и они упали на спину, как жидкое серебро. — За свое пребывание здесь ты будешь вознаграждена достойной платой. Даже более чем достойной. То, что ты сейчас получишь, — величайший дар. За обладание им многие убили бы.

Аглая с трудом разлепила пересохшие губы. Порез на руке вновь начал кровоточить. Боль волнами проходила по всему телу, но Аглая сдерживала мучительные стоны. Неужели она сошла с ума? Нет... Нет, не может такого быть. Не могла же она чокнуться за день! Или могла? Господи... За что ей это?! Что такого ужасного она натворила

в жизни? Ничего ведь никому плохого не делала. Едва шевеля языком, хрипло спросила:

— Что... тебе нужно?

— А ты не слишком сообразительная, как я посмотрю. Тем хуже для тебя. — Она снова склонилась над Аглаей: — Послушай меня внимательно и запомни каждое слово, которое я тебе скажу. — Кожа вокруг ее глаз вдруг начала чернеть и грубеть, превращаясь в древесную кору.

У Аглаи от страха перехватило дыхание. Зажмурившись, она тихонько зашептала себе под нос:

— Это сон... Это сон... Я всего лишь сплю... Скоро утро... На работу... Просто сон...

Ее больно дернули за волосы:

— Приди в себя, дура! Если ты все испортишь, я превращу твою жизнь в бесконечное мучение. Будешь жить и мечтать сдохнуть.

От страха Аглюю замутило. Ее бросило в жар. Выступившие на коже капельки испарины попали в раны, и те зашипели еще больше. Ее била жуткая по силе дрожь. Зубы стучали. Страх превращал кости в лед. Аглая хотела зажмуриться, но даже это не получилось. Она смотрела на жуткую женщину и не могла отвести глаз. Веки и скулы у той превратились в черную древесную кору, как будто обожженную и покрытую бархатистым пеплом. В трещинах «коры» переливались и пульсировали алые ручейки, напоминающие вены. Радужка тоже загорелась алым. Ее взгляд парализовал Аглюю. Она не могла даже пошевелиться. Все мысли вылетели из головы. Ей бы молиться о спасении, сделать хоть что-то, но Аглая просто смотрела на своего двойника. Голова была совершенно пуста.

— Закончила ныть? Наконец-то. А теперь слушай и запоминай. Да не проворонь ни единого моего словечка — тебе же, дуре, хуже будет.

Аглая закусила губу, чтобы ненароком не застонать. О, да... Она выслушает чокнутую стерву. С сумасшедшими спорить нельзя. Пусть болтает. А Аглая послушает. Даже покивает ей. Дождется, пока эта извращенка отвлечется, и сбежит. Как-нибудь. Господи... Она же связана по рукам и ногам! На ней живого места не осталось. И она раздета. А еще этот страшный алый круг, обжигающий кожу... Но ведь это невозможно. Не существует подобного в реальности. Она тоже сходит с ума? Неважно. Ничего неважно. Даже если это все реально, она найдет способ выбраться. Пусть чокнутая болтает, а она сделает вид, что слушает...

— Внимательно слушай, дорогуша. Очень внимательно. Болтать тут много не стоит. Будешь языком молоть — себе же хуже сдела-